

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПО МАТЕРИАЛАМ
ПУШКИНСКОГО ДОМА

726579

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1972

Я. С. Лурье

**УСТАВ КОРНИЛИЯ КОМЕЛЬСКОГО
В СБОРНИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.**

В сборнике ИРЛИ, собрания В. Н. Перетца, № 29 среди ряда житий русских святых и примыкающих к житийной литературе повестей (повесть о Темир-Аксаке и о Петре царевиче Ордынском) помещен памятник, озаглавленный «О жительстве от божественных писаний избранна, о устроении преданных нам образ от святых отецъ в спасение душам и писанием вдан сущим о Христе братиям моим в обители Преславныя богородица честнаго ея Введения, в ней же жительствуем» (л. 427). Из этого заголовка памятника можно установить только, что перед нами устав, составленный при основании какого-то монастыря Введения богородицы. В книге «Древнерусские рукописи Пушкинского дома» В. И. Малышев предположил поэтому, что текст

---

¹⁵ В. И. Малышев. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии, стр. 371—372.

¹⁶ В. П. Перетц. К истории древнерусской лирики (стихи умиленные). *Slavia*, т. XI, 1932, кн. 3—4, стр. 476.

в сборнике Перетца № 29 — это «Устав московского Новинского введенского богородична монастыря, что в Воробьеве».¹ Монастырь Введения Пречистые на Воробьеве был действительно в первой половине XVI в. новым монастырем² и мог нуждаться в уставе. Но текст памятника содержит и другой ключ к его происхождению. В одной из последних его статей, направленной против «пианственного пития» в монастыре, автор неожиданно обращается к читателю и называет свое имя: «Вся же, яже в писании сем написах недостойный моею рукою, аз, инок грешный Корнилие, и предах господе братии моей, в месте сем постригшимся и приходящим всем живущим с нами и сущим по ошествию моем, хошу, да и живу ми сущю и по смерти моей, теко творима да будутъ» (л. 447). Перед нами Устав Корнилия, предназначенный для основанного им монастыря Введения богородицы, именуемого обычно в литературе (по местности, где он возник, — недалеко от Вологды) Комельским монастырем.

Устав Корнилия Комельского был известен археографам уже во всяком случае с начала XIX в.; в 1812 г он был издан,³ однако списки, положенные в основу издания, не указаны. Известно несколько рукописей Устава Корнилия: 1) ГПБ, Софийское собр., № 439 (старый № 757); писана в 7097 (1589) г. в Корнилиевом монастыре иноком Нафананлом (запись на л. 216), содержит наряду с Уставом (лл. 25—79) также Житие Корнилия (лл. 80—182 об.); 2) ГБЛ, собр. Ундольского, № 329, XVII в.; 3) ГБЛ, собр. Ундольского, № 369, XVII в.⁴

Сборник В. Н. Перетца, по-видимому, самый древний из дошедших до нас списков памятника. Он писан разными почерками на бумаге первой половины XVI в. (водяные знаки: единорог — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1538, 1539 (1527 г.) и 1806, 1807 (1557 г.); монограмма «РС» (или «РМС») — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1583, 1584 (1531 г.); рука в рукавчике, над пальцами

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 84.

² Ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 269; т. VIII, 1859, стр. 295.

³ История российской иерархии, собранная Амвросием (Орнатским), ч. IV. М., 1812, стр. 661—704. В библиографической литературе указывается еще, что в 1812 г. Устав был издан отдельно (ср.: П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 181). Однако в библиотеках Ленинграда этого издания нет; нам неизвестно, было ли это особое издание или оттиск из «Истории российской иерархии».

⁴ В «Обзоре» Филарета (Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е. СПб., 1884, стр. 140—141) упоминается еще одна рукопись Устава Корнилия — Вологодской архиерейской ризницы Кирилова Новоезерского монастыря (в 4-ку, XVII в.). В. О. Ключевский считал Нафананла (писца и автора приписки в рукописи Соф. собр., № 439, известной историку по более поздней копии) составителем жития Корнилия (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 303—304); если это так, то житие в рукописи Соф. собр., № 439 представляет собой автограф.

крестовидная розетка — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1444 (1514 г.), 1460 (1514 г.), 1534 (1527 г.)). Заслуживает внимания состав сборника. Большинство святых, жития которых помещены в нем, связаны с Русским Севером (Павел Обнорский, Дмитрий Прилуцкий, Дионисий Глушицкий, Кирилл Белозерский, Исайя, Леонтий, Исидор и Авраамий Ростовские); все они в начале XVI в. были удостоены общерусского или местного почитания.⁵ Вполне естественно предположить поэтому, что окружение Устава Корнилия в этом сборнике не случайно, что сборник восходит к авторскому тексту из Корнилиева монастыря. Новый список Устава Корнилия должен, как нам представляется, вновь привлечь внимание к этому любопытному памятнику, еще не бывшему предметом специального исследования, но достаточно важному для истории русской общественной мысли конца XV—первой половины XVI в.

Уже Амвросий, публикуя в своей «Истории российской иерархии» Устав Корнилия, отметил в примечании, что некоторые места из предисловия к нему «заимствованы из предисловия Устава преподобного Нила Сорского».⁶ Действительно, начало «Предисловия» к Уставу Корнилия (лл. 427—429) совпадает с началом известного «Предания о жительстве святых отец» Нила (от первых слов «Благовещением и вседействием господа...» до слов «яко да не повинны будем с заповедей преступлением и слова божия инако сказанию»)⁷. Однако на этом использование «Предания» Нила заканчивается, и составитель непосредственно, без всякого соединительного текста, начинает цитировать другой памятник. Новая цитата так удачно примыкает к предыдущей, что читатель, не знающий источника, мог подумать, что перед ним — продолжение предшествующего текста: «И паки боюся и трепещу божественного писания, глаголющаго: истязан будет настоятель о всех, иже под ним сущих...». А между тем перед нами заимствование из совсем другого автора — Иосифа Волоцкого. Начиная с приведенного текста компилятор цитирует пространную редакцию монастырского Устава Иосифа, включенного в его «Духовную грамоту».⁸ Напоминая о своей

---

⁵ Это относится и к святым, жившим в XV в. Ср.: Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 73, 82, 84—85.

⁶ История российской иерархии... ч. IV, стр. 662.

⁷ Нила Сорского Предание и Устав. Со вступительной статьей М. С. Боровковой-Майковой. СПб., 1912 (ПДПИ, СЛХХIX), стр. 1—4. Корнилий заимствовал первый абзац Предания (до слов «от нашел лености нрившедших» — там же, стр. 2), опустив следующее далее у Нила исповедание веры («В начале же подобно умыслих положить о вере... и еретики вси чюжи нам да будут» — там же, стр. 3—4), и несколько видоизменил начало третьего абзаца (л. 428; ср. там же, стр. 3—4).

⁸ Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, сентябрь, дни 1—15. СПб., 1868, столб. 499—566 (далее ссылки на это

старости и болезнях, волоколамский игумен пишет: «Сего ради боюся и трепещу; слышах бо божественнаа писаниа, глаголюща: истязан имат быти от всех настоятель, иже под ним сущих...». «Духовной грамоте» Иосифа Корнилий следует и в дальнейшем тексте своего «Предсловия» (лл. 429—431), отступая от него только к концу вводной части. Последние слова его «Предсловия» несколько отличаются от последних слов введения Иосифа. «Сего ради поне отныне пощещемся о господних заповедях и о отечьских законоположениях и о еже зде написанных нами преданиих по сведетельству божественных писаний и по завещанию великаго Василия, яже суть сна...», — читаем мы у Корнилия (л. 431). В «Духовной грамоте» Иосифа говорится о «евангельских заповедех и отечьских писаниих» и нет ссылки на Василия Великого; на словах «по сведетельству божественных писаний, яже суть сна» (стлб. 501) введение к «Духовной грамоте» заканчивается и затем следует оглавление помещенного далее устава. В «Предсловии» к процитированным словам еще добавлено: «Прежде всего подобает инокам обще живущим не имети своа воля ни в чем, но повиноватися настоящему и дръжати послушание с смирением и не имети особнаго стяжания ничто же и трудитися телесне, аще мощни суть, и готовым быть в всяку службу, паче ж юнным, и вся узаконеная в монастыри благообразно и по чину творити тщательно, елика сила». Нам не удалось найти этого текста ни у Иосифа Волоцкого, ни в сочинениях о монашестве того автора, на которого ссылается «Предсловие», — у Василия Великого (Кесарийского), одного из наиболее авторитетных для древней Руси византийских церковных писателей.⁹

Следующие далее в нашем памятнике правила монашеской жизни также в значительной степени следуют Уставу Иосифа Волоцкого, хотя передают его с сокращениями. Так, статья 1 Устава Корнилия «О церковном благочинии и о соборной молитве» в целом ряде мест соответствует первой главе пространной редакции Устава Иосифа (ср. л. 431—431 об. и стлб. 504—505; л. 433 и стлб. 509, 511, 513); статья 2 «О благоговеинстве и благочинии трапезном и о пици и о питии» — начальной части второго слова той же редакции (ср. лл. 433 об.—435 и стлб. 513—516); статья 4 «О еже не подобает кому ясти и пити кроме трапезы без благословенна» — средней части того же

издание даются в тексте в скобках). О том, что Устав Корнилия «во многом напоминает пространную редакцию Устава Иосифа Волоцкого и отчасти Устав Ефросина Псковского», писал И. У. Будовниц (И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, стр. 284), но он не производил текстуального сличения этих памятников, имея в виду, очевидно, лишь их общее содержание.

⁹ Ср., например, постнические слова Василия Великого в сборнике 1482 г., принадлежавшем князю Андрею Углицкому: Собрание рукописей Пушкинского дома, р. IV, оп. 17 (Пинежское собр.), № 32, лл. 31—304 об.

слова (ср. л. 436—436 об. и стлб. 516—517). Статья 5 Устава Корнилия «О одеждах и обушах и о прочих вещех» в начале и затем еще в одном месте совпадает с третьей главой Устава Иосифа в пространной редакции (ср. лл. 437 об.—438 и стлб. 520; л. 438 об. и стлб. 524—525); отрывки из той же третьей главы содержатся и в статье 7 Устава Корнилия «О еже не имети особнаго стяжания никому ничего» (ср. лл. 439—440 об. и стлб. 522—524); одно место в статье 7 Устава Корнилия (л. 439 об.) напоминает краткую, более раннюю редакцию Устава Иосифа.¹⁰ Третья глава пространной редакции Устава Иосифа отразилась еще в одной статье Устава Корнилия — в статье 8 «О еже не взимати никому же ничто же нигде же без благословения игумена и каларева» (ср. лл. 440 об.—441 об. и стлб. 526—527). В остальных статьях Устава Корнилия (3, 6, 9—15) нам не удалось найти прямых заимствований из Устава Иосифа (хотя тематика иногда совпадает, например в статье 13 Устава Корнилия «О еже не быти питию пианственному» и в слове Иосифа «Яко не подобает в обители питию быти, от него же пианство бывает»¹¹).

Что же представляет собой Устав Корнилия, когда этот памятник был написан и какие явления русской общественной мысли нашли в нем отражение? Время составления Устава Корнилия может быть установлено лишь на основании косвенных данных. Корнилий устроил свою «храмину» в Комельском лесу еще в 1497 г., но подлинное основание Комельского монастыря следует относить, очевидно, к 1515—1517 гг., когда Корнилий воздвиг «превелику» церковь Богородицы, начал «келейное здание» и устроил «четвероуголен образ монастырю».¹² Устав Кор-

---

¹⁰ Как и Иосиф в краткой редакции, Корнилий заявляет, что «иж в иночскый святый образ одеяни и в монастырех общих живуше, ниже слово глаголати длъжни суть вещь кую любо: мое, собинное, или твое, или сего, или оного... не подобает сна общая жития нарицати, но разбойничскаа съборища» (ср.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 308; в пространной редакции Устава Иосифа соответствующего места нет). Однако мы не можем утверждать, что в этом случае Корнилий обращался к краткой редакции Устава Иосифа. Соответствующий текст озаглавлен у Корнилия «От старчества»; он имеет некоторые существенные отличия от текста Иосифа («плевелосеятели», сохраняющие личную собственность, у Корнилия именуются «глаголемни пекуле»). Возможно поэтому, что и Иосиф в краткой редакции и Корнилий обращались к некоему предшествующему поучению «от старчества».

¹¹ В Уставе Корнилия статья эта носит более конкретный характер и имеет целью предостеречь иноков на случай, если «кто от великих или всяк христоробец приидет в монастырь и восхошет какое питие, еже имать пианство, во утешение быти братиям» (лл. 446 об.—447); в Уставе Иосифа речь идет о греховности пьянства вообще (стлб. 542—543).

¹² Житие Корнилия — ГПБ, Соф. собр., № 439, лл. 88 об. и 94 об.—95 об. Ср.: И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв., стр. 282—284.

нилия во всяком случае составлен не ранее «Духовной грамоты» Иосифа, на которую он опирается, а эта последняя была написана перед смертью волоцкого игумена в 1515 г.¹³ Сам Корнилий, прося братию соблюдать заветы Устава после его смерти («по ошестви моем»), также рассматривал свое сочинение как завещание. Естественней всего поэтому относить его Устав ко времени, близкому к 1537 г. — дате смерти Корнилия.

Такая датировка Устава Корнилия делает особенно интересным его двойственное происхождение — соединение вводной части «Предания» Нила Сорского с широкими заимствованиями из Устава Иосифа Волоцкого. Нам уже приходилось отмечать, что, вопреки мнению историков церкви, противопоставлявших «критическое», «нравственно-либеральное» направление Нила «консервативно-формальному» направлению Иосифа, между обоими церковными деятелями XV в. было немало точек соприкосновения; Иосиф Волоцкий использовал одно из посланий Нила в своих противоеретических сочинениях; ученики Иосифа переписывали сочинения сорского старца для библиотеки Волоколамского монастыря.¹⁴ Но все эти факты относятся к концу XV — началу XVI в. Устав же Корнилия был написан в более позднее время. В этот период между иосифлянами и нестяжателями уже началась ожесточенная борьба (она отразилась, в частности, в «Духовной грамоте» Иосифа); в ходе полемики с Иосифом Волоцким глава нестяжателей Вассиан Патрикеев охотно противопоставлял волоколамскому игумену «своего старца» — Нила Сорского. Какова же была позиция Корнилия Комельского в этом споре? Житие Корнилия не дает ясного ответа на этот вопрос. Автор жития, описывая Корнилия как деятельного игумена основанного им общежительного монастыря, вместе с тем настаивает на том, что сам Корнилий все время стремился «безмолвствовать» — в самом монастыре или в пустыне; Н. Коноплев склонен был поэтому связывать Корнилия с нестяжателями.¹⁵ Однако И. У. Будовниц справедливо отметил, что известия о стремлении Корнилия к «безмолвию» и о том, что он с неохотой принимал земельные пожалования от великого князя, представляют собой характерный житийный штамп. Вопреки этим утверждениям сам автор жития рассказывал, как Корнилий «умолил» Василия III дать ему «земли мало с лесом», и великий князь дал ему землю, включая «деревьни и починьки и со всяцем угодием».¹⁶ Ко времени смерти Корнилия монастырь владел

¹³ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 452—454.

¹⁴ Там же, стр. 312—315.

¹⁵ Н. Коноплев. Святые Вологодского края. ЧОИДР, 1895, кн. IV, отд. IV, стр. 101.

¹⁶ ГПБ, Соф. собр., № 439, л. 128—128 об.

12 деревнями в Вологодском уезде и столькими же деревнями в Белозерском уезде.¹⁷

Связь Корнилия с единомышленниками Иосифа Волоцкого, «воинствующими церковниками», несомненна. В течение нескольких лет Корнилий, как рассказывает его житие, пребывал при дворе одного из вождей «воинствующих церковников» — архиепископа Геннадия Новгородского; именно от Геннадия он получил сан священника.¹⁸ О близости к иосифлянству свидетельствует и Устав Корнилия — не только там, где он прямо совпадает с Уставом Иосифа, но и в других, оригинальных местах. Весьма характерны для Устава Корнилия тенденции, проявившиеся именно в пространной редакции Устава Иосифа, — принципы иерархической субординации, строгого и точно регламентированного подчинения администрации монастыря.¹⁹ Особое внимание к этой теме обнаруживается и в заголовках отдельных статей Устава Корнилия («О еже не подобает кому ясти и пити... без благословенна», «О еже не взимати ... без благословения игумена и келарева», «О еже не подобает из монастыря ... безсловесно исходити»), и во всех текстах, добавленных Корнилием к своим источникам. «Благословение настоящего» или повеление келаря требуется и при любом отступлении от повседневного распорядка жизни: при получении какой-либо пищи и питья вне общей трапезы (л. 435 об. — 436), при обмене вещами с другим монахом (л. 440 об.), при выходе из монастыря (л. 442 и 443 об.). Опоздав почему-либо на молитву, инок должен просить прощения у игумена (л. 432); получив грамоту, «поминок или какову вещь, малу или велику», он должен показать ее настоятелю (л. 440 об.); «исповедати ... настоящему» необходимо не только о своих грехах, но и о чужом «согрешении» (л. 444 об.). «Настоятель благочиние да уставляет» (л. 443 об.), «всяка вещь без благословения проклята есть» (л. 446 об.) — эта основная тема Устава Корнилия вполне соответствует духу иосифлянства XVI в.

Если, составляя свой иосифлянский Устав, Корнилий мог предпослать ему введение, основанное на «Предании» Нила Сорского, то это свидетельствует о том, что церковные деятели XVI в. относились к провозвестнику нестяжательства гораздо «историчнее», чем ученые XIX в. Они могли резко осуждать «величавого» и «высокошявого» Вассиана Патрикеева, но вовсе не склонны были переносить свое отношение к Вассиану на его учителя Нила. Основатель Сорской обители был для них прежде всего одним из тех защитников и теоретиков монашества, кото-

¹⁷ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв., стр. 285—289.

¹⁸ ГПБ, Соф. собр., № 439, л. 86 об.—87 об.

¹⁹ Ср.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в., стр. 451—452.

рые выступили в XV в. против «еретической бури», представителем той плеяды основателей монастырей, к которой принадлежал и **Корнилий Комельский**.